Всесоюзная Книжная Палата Обяз. экземпляр 1950 г.

Рис. худ. А. ЛАВРОВА

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 127 (2718) Воскресенье, 31 декабря 1950 г. Цена 40 коп.

ЗА ДРУЖБУ, ЗА ЛЮБОВЬ, ЗА ТРУД!

◆

Ник. ГРИБАЧЕВ

◆

И мы не те,
и Русь не та,
и свет над ней не тот.
Смывает времени вода
за годом новый год.

И нынче вспомнится едва ль,
привидится навряд
снежком притушенная даль
с гуртом озябших хат,

слепой светец и нищий стол,
где даже хлеб, как трут,
и тот мужик, что взгляд возвел
в святой, с лампадой, кут —

возвел с надеждой и тоской,
с великою мольбой,
чтоб приработок хоть какой
добыть еще зимой,

чтоб на соломе выжил скот,
чтоб не проесть семян,
чтоб в меру был дождливым год
на благо россиян...

А за окном снега да мгла,
лишь в речке треснет лед,
да вьюга над судьбой села
отходную поет,

да волчьей свадьбы долгий вой
волной накатит тьма,
как будто плачет за избой,
рыдает жизнь сама,

да меряя устало ширь
завьюженной земли,
уходят лучшие в Сибирь,
как декабристы шли,

и ради счастья всех живых
на выщербленный пол
в тюрьме сползает большевик,
расстрелянный в упор...

Так, кровью окропив восток,
у русских сел и рек,
слеп, беспощаден и жесток
вставал двадцатый век,

и только ленинских идей
звучал набат во мгле
по всей измученной, по всей
летящей в ночь земле.

Прошло полвека.
Сумрак сиз.
Шумит в полях зима,
у светлых окон вверх и вниз
снежинок кутерьма,

качает ветер провода,
трещит на реках лед,
а мы — не те,
а Русь — не та,
и мир вокруг — не тот!

Найди на карте то село —
кто удивится в нем,
что есть достаток, что светло
и ночью, словно днем?

Что стёжку серп забыл к хлебам,
коса — тропу к овсам,
что пашет трактор, а комбайн
жнет и молотит сам?

Что правят судьбами страны,
умны, смелы, сильны,
рабочих лучшие сыны,
колхозников сыны?

И не о том сегодня речь,
нет, не о том одном,
чтоб хлеб скопить да рубль сберечь,
держать в порядке дом.

На этом новом рубеже
решают всем селом,
чтоб и само село уже
определить на слом,

чтоб там, где тридцать лет назад
давилась даль тоской,
встал в самом деле город-сад
с культурой городской,

чтоб стать везде, в труде любом
с научным наравне,
чтоб полной чашей — каждый дом,
любой —
по всей стране!

Так мы ж и вправду доросли,
чтоб все свершить мечты,
чтоб изменить родной земли
приметы и черты,

чтоб новый путь Аму-Дарья
избрала навсегда,
чтоб Волга — реками в поля
и током в провода,

чтоб степи юга обводнить,
в пустыню жизнь вдохнуть,
чтоб все моря объединить
в один великий путь,

чтоб, где прикажем,— встать лесам,
где скажем,— зреть плодам,
чтоб покорился климат сам
творцам-большевикам!

Все для великой цели той —
исканья, труд, борьба,
кипенье плавки скоростной,
стеною, в рост, хлеба.

Кто скажет, будто нам легко,
соврет наверняка,
но мы шагаем далеко,
а видим — на века!

Прошел совсем недолгий срок,
а будто целый век —
так много и посмел, и смог
советский человек,

и вот — просторы огляди:
венцом его забот
встал Коммунизмом впереди
шестидесятый год!

И нам вослед на этот свет
идут, что год, быстрей,
Китай — великий наш сосед,
восток Европы всей,

по топям, чащам и снегам,
громя врага в бою,
спешат Корея и Вьетнам
в свободную семью.

Да, мы, вступая в Новый год,
припомним и о том,
что тучи застят горизонт,
что черен Белый дом,

что сволочь не перевелась
в иных краях пока,
что у нее в руках и власть
и доводы штыка.

Но не она кует штыки,
снаряды к пушкам льет,
и ей войной материки
не даст поджечь народ,

и слово «МИР», родясь в Кремле,
на гребне трудных дней,
рождает силу на земле,
что всех других сильней.

А нас — нет, нас не запугать
и пугалом войны,
а нам не в первый раз стоять
за честь родной страны,

привыкли к пушкам и станкам
и видим цель одну,
и, что б там ни было, —
не нам,
а им
идти ко дну!

Предвидим: зори тех знамен,
что поднял наш народ,
зажжет над всей планетой он,
шестидесятый год!

Все ближе полночь. Сумрак сиз.
Шумит в полях зима,
у светлых окон вверх и вниз
снежинок кутерьма,

и стрелки сходятся: вот-вот
полвека
на часах
пробьет.

Так встанем рядом, земляки,
поднимем, стоя в рост,
всем расстояньям вопреки
общенародный тост —

за Ленина! Он вел народ
дорогою прямой,
встречая века первый год
атакой громовой.

За Сталина — отца страны!
Он нас в трудах растил,
он вывел нас из бурь войны
и к счастью путь открыл.

За партию!
За наш народ!
За новый день!
За Новый год!

Творческие планы советских писателей

Конст. ФЕДИН

Я продолжаю работать над романом, действие которого относится к начальному периоду Великой Отечественной войны и происходит в центральных областях России. Тема романа связана с развитием и окончанием замысла, положенного в основу дилогии — «Первые радости» и «Необыкновенное лето». Таким образом, новое произведение явится третьей и заключительной частью этого цикла романов.

◇ ◇

П. ПАВЛЕНКО

Каковы мои планы в 1951 году?

Планов не так уж много, я бы даже не говорил о них во множественном числе. План у меня скромный: написать роман о борьбе за мир. Иногда мне кажется, что сумею сделать это за год, потому что давно думаю о романе, давно собираю и изучаю материал, и роман как бы совершенно ясен мне. Но то, что кажется ясным, когда думаешь о нем отвлеченно, совершенно неясно, когда подбираешься к тому же, сидя за письменным столом.

Я (не знаю, хорошо это или плохо) принадлежу к числу тех, кто «думает рукой». Пока я не начал писать, мне почти ничего не видно, кроме, конечно, основной темы, — я плохо представляю задуманное в подробностях, в движении. У меня пелена перед глазами. Но стоит начать писать, как все быстро приобретает перспективу. Роман о борьбе за мир, естественно, должен коснуться зарубежных стран, в нем должны действовать иностранцы, а нет ничего труднее, чем писать о людях других стран, о чужих городах, о чужом быте.

Я все это понимаю, но ничего не могу поделать, — роман о борьбе за мир уже формируется где-то в глубине сознания, вопреки всем моим опасениям. Это должна быть книга о людях, защищающих мир в разных странах вселенной, о дружбе через моря и океаны, о сплошном фронте мира, который, где бы ни шел, во всех случаях проходит через Москву.

◇ ◇

Леонид ЛЕОНОВ

— В будущем году буду работать над романом. Трудно подробно рассказать сейчас о его содержании. Это будет книга о лесе.

◇ ◇

Б. ЛАВРЕНЕВ

В предстоящем году я буду занят работой над двумя пьесами.

Первая из них посвящена Лермонтову. Действие ее начинается в дни дуэли и смерти Пушкина и заканчивается гибелью Лермонтова, т. е. относится к последним четырем годам его жизни. Я думаю закончить эту пьесу в марте с тем, чтобы она могла быть поставлена к 110-й годовщине со дня смерти поэта, исполняющейся в июле 1951 года.

Вторая пьеса — «Наследство» — о советской семье. Но не о бытовом ее укладе, а о том, как молодое поколение должно не растрачивать, а сохранять традиции семейных устоев, традиции настоящей большевистской семьи.

Одновременно я буду заниматься публицистической и критической работой в периодической печати, как я это делаю всегда.

◇ ◇

Мухтар АУЭЗОВ

В истекшем году я закончил первую книгу нового романа «Ага акынов» («Отец акынов»), посвященного жизни, борьбе и поэтической деятельности великого казахского поэта Абая. В романе показывается, как, ориентируясь на русскую передовую революционно-демократическую культуру, Абай выступает во главе молодых поэтов и деятелей казахской культуры, изобличающих пороки феодально-реакционных кругов дореволюционного казахского аула.

Русский перевод романа будет опубликован в журнале «Знамя» в первой половине 1951 года.

В минувшем году я совместно с группой казахских литературоведов закончил большую работу по составлению и редактированию второго тома истории казахской литературы.

В предстоящем 1951 году я намерен закончить вторую книгу романа «Ага акынов».

◇ ◇

В. КАТАЕВ

После появления критических статей, справедливо указавших мне на недостатки моего романа «За власть Советов», я в письме в редакцию «Правды» заявил, что считаю для себя делом чести исправить эти недостатки. Весь год по новым документам я пристально изучал историю партизанского движения на Украине в годы Великой Отечественной войны и коренным образом перерабатывал роман.

Работа приближается к концу. В январе я вынесу ее на суд писательской общественности и редакционного совета Детгиза.

В наступающем году я надеюсь приступить к новому роману — о большом строительстве, одном из крупных сооружений сталинских пятилеток.

Андрей УПИТ

Истекший год был насыщен событиями мирового и исторического значения; борьба между силами демократии и реакции предельно обострилась.

Как и все советские писатели, я стремился принять участие в широком движении миллионов за мир. В наших газетах публиковались мои статьи о борьбе народов, в частности латышского, за прочный мир, за народную демократию.

С самого начала моего литературного пути моя писательская и общественная деятельность протекала по трем руслам. Это — публицистика, история и теория литературы и беллетристика.

Весь год я был занят работой над романом «Просвет» (о первых проблесках классового сознания латышского пролетариата в девяностых годах прошлого столетия), а также занимался историей и теорией литературы. Одна часть начатого мной исследования о русском классическом романе уже опубликована, готова к печати большая работа «Принципы социалистического реализма в литературе».

— Мои творческие планы в наступающем году? — Весной надеюсь закончить «Просвет», предполагаю также написать давно задуманную статью «Литературная критика социалистического реализма». По мере сил буду принимать участие в нашей большевистской печати.

◇ ◇

Вера ИНБЕР

Несмотря на все трудности возвращения к давно оконченной вещи, я все же вернулась к своей поэме «Путь воды», чтобы исправить в ней недостатки, на которые мне правильно указала критика. Дав слово самой себе и своим читателям переделать эту вещь, я не могла поступить иначе.

Изменился самый жанр произведения. Вернее всего, что вместо поэмы это будет цикл стихотворений, объединенных общей темой.

Первая часть этого цикла посвящена Ирану, вторая — Узбекистану. Для «иранской части» написан новый большой поэтический кусок, для «узбекской части» — стихи. Уже написаны три новых стихотворения и подготавливается четвертое заключительное. Частично перерабатывается и то, что было написано ранее.

Я надеюсь, что весь цикл будет окончен в течение зимы. О результатах моих усилий пусть судят читатели.

ПРОДОЛЖЕНИЕ СМ. НА 3 СТР.

Орден хранится в цехе

— Вот и последние листки календаря... Еще один год прошел. Хороший был для нас год, памятный. Пятилетку выполнили до срока, полгода удерживаем орден Ленина. — Зинаида Никитична Кондрашева отодвигает в сторону настольный календарь. — Работаем мы уже в новом году — пятьдесят первом.

Интересна история этого ордена, на котором выгравирован № 2. Двадцать лет назад им был награжден Электрозавод, один из советских гигантов, первенцев индустриализации. Несколько лет назад завод разделили на самостоятельные производства, живущие попрежнему под общей крышей: электроламповое, трансформаторное и автотракторного электрооборудования.

Тогда и был передан Электроламповому заводу орден Ленина. Он стал знаменем, вдохновляющим тысячи людей на героические трудовые подвиги. Между цехами возникло социалистическое соревнование за почетное право его хранения.

Всей стране известен цех радиоламп. Обширные, сверкающие чистотой залы. За столами, окрашенными белой эмалью, сидят работницы в белоснежных халатах. Перед каждой — лампа дневного света. Знакомое по многим газетным фотографиям лицо — Валентина Хрисанова, бригадир цеха радиоламп. Она посвящает нас в дела своей молодежной бригады.

— Год пятидесятый будет нам памятен — потрудились на славу, пятилетку давно выполнили. В бригаде нашей тридцать девушек и почти каждая имеет сегодня семилетнее или среднее образование. Лида Яковлева кончает электровакуумный техникум, созданный при заводе; Таня Серикова занимается в девятом классе школы рабочей молодежи; в этой школе учатся и Рая Ушакова, Лида Давыдова, Тамара Панферова; я на заочном отделении Московского энергетического института...

Приближался новый, 1951 год. Творческая мысль стахановцев завода настойчиво искала новых путей для движения вперед. Наладчики цеха осветительных ламп Кириллов, Таран и Бабурин предложили сменное задание выполнять за семь часов, восьмой же час использовать для выпуска сверхплановой продукции. Эту идею подхватили работницы цеха радиоламп.

У каждой бригады радиолампового цеха есть световой щит — щит часового графика. На нем восемь электрических лампочек — по числу рабочих часов.

...Семь лампочек горят на щите бригады Лидии Бакшеевской. До конца смены осталось около часа. Испытатель Зоя Курицына отсчитывает очередную партию готовых ламп и поворачивает выключатель. На щите вспыхивает восьмая лампочка — досрочно.

И девушки бригады невольно обращают свои взоры на изображение ордена Ленина, висящее на стене. Лампы сверх плана — это их дар Родине, новогодний дар.

П. ПОТАПОВ

Издания 1951 года

Из года в год увеличивается в нашей стране издание литературы. Один только Гослитиздат выпустил в минувшем году 42 миллиона экземпляров книг — в полтора раза больше, чем в 1949 году, и в 12 раз больше, чем в довоенном 1940 году.

Массовыми тиражами в издательстве вышли отдельные произведения русских классиков и современных советских писателей, а также классиков мировой литературы. В 1950 году издавалось двадцать собраний сочинений и девять из них завершены. Закончены шеститомные издания А. С. Пушкина и Н. В. Гоголя, трехтомник Леси Украинки, собрания сочинений Шекспира, Шиллера, Мопассана. Издавались сочинения Чехова, Шевченко, Добролюбова, Некрасова, Чернышевского.

Обширный план предстоит осуществить Гослитиздату в 1951 году. Будет печататься новое собрание сочинений Л. Н. Толстого, продолжается издание собрания сочинений А. М. Горького. Намечено выпустить собрания сочинений П. Бажова и Я. Коласа, а также сочинения Бальзака, Нексе, Петефи и других иностранных писателей. Выйдут десятки названий книг современных советских писателей.

Большое внимание уделено оформлению книг. Над созданием иллюстраций работают лучшие художники Советского Союза.

Закончились вечера бурят-монгольской литературы в Москве

С большим успехом прошли в Москве вечера бурят-монгольской литературы. Около 10 тысяч человек побывало на выступлениях писателей и артистов республики, которым москвичи оказали самый радушный и теплый прием. Во время пребывания в столице гости выступили во дворцах культуры и клубах передовых предприятий, в Военно-политической академии им. В. И. Ленина, в Академии общественных наук при ЦК ВКП(б) и других аудиториях. В течение трех дней в Союзе советских писателей СССР происходило обсуждение наиболее значительных произведений бурят-монгольской литературы, в котором приняло участие более 30 московских писателей и критиков.

Итогам проведения вечеров бурят-монгольской литературы в Москве было посвящено заседание секретариата Союза советских писателей СССР, состоявшееся 28 декабря. С обзором итогов обсуждения творчества бурят-монгольских писателей выступил Л. Климович.

Заместитель председателя Совета Министров Бурят-Монгольской АССР Г. Цыдынжапов и председатель республиканского правления Союза советских писателей Ц. Галсанов, выступившие на заседании секретариата, выразили благодарность московским писателям за теплый прием и братскую творческую помощь.

Секретариат Союза писателей принял решение, в котором, отмечая успехи, достигнутые бурят-монгольской литературой, подчеркнул необходимость, в целях дальнейшего укрепления творческих связей, командировать через некоторое время в Улан-Удэ бригаду писателей для работы над переводом и критическим разбором новых произведений. Секретариат решил просить московские издательства художественной литературы рассмотреть вопрос о включении в их планы 1951—1952 гг. ряда книг бурят-монгольских писателей.

Николай АТАРОВ

О ЗНАМЕНИТЫХ

Наступает самая веселая и шумная ночь в году. Ближе к полночи по деревням, в заводских поселках, в тихих маленьких городах заскрипит снег под ногами. На короткий час толпами пойдет народ по улицам больших городов.

Середина века.

Кремлевские куранты бьют двенадцатый час. Вот они — секунды, по которым двадцатое столетие переваливает в свою вторую половину.

— С Новым годом, товарищи!

— Пожелаем человечеству — мира! Труженикам — успехов! Детям — счастья!..

В эту минуту по подмосковным полям, на железнодорожной магистрали мчится новый паровоз, только что выпущенный с завода в обкатку. Он идет «резервом», без вагонов. Ровно в полночь он оглашает гудками морозные пространства. Он проносится мимо путевых обходчиков, им в лунном свете ясно видно, какой он травянисто-зеленый, как блестят на нем никелированные поручни.

Паровоз вышел прямо из сборочного. На путях все знают, кто проводит обкатку: старый мастер, худощавый, седоусый; он тщательно выбрит — не то по случаю пробного испытания, не то для новогодней встречи. Забывшись, с тряпкой в руке, он наблюдает, «где гренье, где паренье»...

В три часа, никак не раньше, мастер вернется домой. В квартире печи жарко натоплены углем. Из комнат доносятся музыка, голоса и смех. Мастер долго моется, трет щеткой усы. Прислушивается, будто к давлению в котле, — к тому, как звенит посуда в горке. В новой пиджачной паре, при золотой звезде и орденах, выходит в столовую.

Его окружают все. Подхватывают под руки, ведут на почетное место — оно оставалось никем не занятое до его прихода.

— Папа, за тебя уже пили! Первый — за Сталина, второй — за тебя.

— А я за Сталина — в полночь взялся за поводок сирены, — дал голос!

И вот он пьет по первой, за вождя, учителя, друга, за Сталина — заслуженный мастер, знаменитый человек, как зовут его на заводе: б о г о б к а т к и. Он сидит в компании молодых людей. Тут и сменный мастер, и слесарь-лекальщик, и сверловщик, и машинист... «Все нынче, как клещики, работали», — одобрительно вспоминает хозяин дома, уходя мыслями в цех, где его гости с утра готовили паровоз.

И постепенно в голове его складывается тост — слова верные, какие пришли там, в пути, когда помощник форсировал топку, и молодая машина постукивала на всю окрестность, будто задавая тон песням, запевавшимся в каждом доме, за каждым праздничным столом. Самые главные слова, которые он готовится произнести, старик повторяет про себя наизусть. Те слова о простом труженике, что когда-то посчастливилось услышать из уст дорогого человека:

— ...если он работает хорошо и дает обществу то, что может дать, — он герой труда, он овеян славой.

***

За каждым праздничным столом у нас, когда сойдемся для новогодней встречи, будет сидеть, вероятно, хоть один такой, овеянный славой человек.

Великий социальный переворот, ознаменовавший первую половину столетия, навсегда уничтожил знатность титулов, древних родословных, славу торговых фирм и золотых мешков. Новый строй утвердил единственную меру достоинства человека — его труд.

И тогда в стране появилось великое множество знаменитостей. Герои шагают по Красной площади целыми батальонами. Бронзовые бюсты во многих селах. И что ни день, в Кремле жмут руки новым лауреатам, орденоносцам.

В учебниках для студентов появились имена каменщиков, токарей, сталеваров. Текстильщицы, лесорубы читают лекции. Обувщики, стеклодувы пишут книги о мастерстве.

Оказалось, что сельская учительница способна вырастить маршалов, министров, академиков. Оказалось, что золото нужно припасти для высокой награды тысячам крестьянок.

Люди получили всенародную славу за хорошую работу, за которую их отцам в царской России, может быть, вынесли бы полведра белого на всю артель.

...Передо мною записи нескольких бесед с молодежью — в ремесленном училище металлистов, в школе рабочей молодежи Дзержинского района, в нескольких женских средних школах столицы.

Это разговор «о доблестях, о подвигах, о славе». Оказывается, что люди, достойные подражания, — хорошие знакомые, иные даже родственники наших ребят.

Токарь завода имени Сталина Валя Махотин называет имя знаменитой на заводе Валентины Карпенковой. Подумайте, какая она: сборка радиаторов была трудным звеном производства, норму в двадцать радиаторов многие не умели выполнить; а она пришла на завод в сорок восьмом году, изучила операцию и стала собирать по сорок шесть радиаторов!

Техник Гипрокино Октябрина Мартынова называет знакомого ей человека, с которым она встретилась на занятиях театрального коллектива при Доме культуры трудовых резервов. Это врач партизанского отряда Цесарский — о нем читатели знают по книге «Это было под Ровно». Она не встречала более скромных и самоотверженных людей...

Алексей Слугин, мастер группы автоматики треста Оргрэс, гордится, что его группой руководит Петр Николаевич Мануйлов... Может быть, не все его знают, но среди электриков он человек знаменитый. Ему присуждена Сталинская премия за разработку конструкции автоматического регулятора питания паровых котлов.

Секретарь-стенографистка одного из министерств Валентина Короткова называет родного дядю. Он известный, но очень скромный человек. Это Александр Лаврович Купцов, конструктор металлорежущих станков. Он сталинский лауреат. Очень хочется быть на него похожей. Только надо еще кончить школу, а потом — химико-технологический институт...

Беседы оживлены личными воспоминаниями. Московская девятиклассница Саида Рахимова рассказывает, как ее поразила еще в Ташкенте балерина Ольга Лепешинская. Ирина Аннскина навсегда запомнила историю жизни депутата районного Совета Сергея Павловича Симонова, старого рабочего-большевика, участника трех революций, директора музея «Красная Пресня». Идеал Кати Григоровой совсем рядом: их классная руководительница, учительница истории Дина Моисеевна во время войны, когда немцы приблизились к Москве, ушла на фронт, была политработником, награждена орденом «Красной Звезды».

А Таня Черносвитова рассказывает о своей матери: — «Моя мама двадцать три года работает учительницей и воспитала многих хороших людей — Героев Советского Союза, стахановцев, врачей, педагогов, сейчас учит их детей... Ее наградили орденом «Знак почета».

Вслушаться в искренний разговор этих девушек, юношей — значит, понять многое в природе жизни нашего общества.

Социализм повсеместно дает молодому поколению тысячи образцов для подражания. Работать хорошо — в этом у нас видят и благородство и красоту человека.

И так стало привычно это чистое миропонимание, что не находишь ничего в нем удивительного, пока не вспомнишь, что есть, кроме нашей страны, кроме нашего города, и такие города на свете, как Нью-Йорк, Чикаго, Детройт. Там не назовут ни одного труженика по имени, но зато вам дети во дворах поименно перечислят королей резины, железа, спичек, все шестьдесят семейств Уолл-стрита — Дюпонов, Морганов, Рокфеллеров, — всех этих международных разбойников.

***

Листаешь комплекты американских газет за истекший год, и образ какой-то Обезьяньей империи встает перед тобой. Столько «прославленного» уродства, разрекламированного цинизма и жестокостей, возводимых в человеческое достоинство.

Портреты «знаменитых людей» Соединенных Штатов!

— Я иду пешком в кругосветное путешествие и при этом толкаю тачку перед собой. Вот моя фотография в газете «Лантерн».

...Но ведь ты каторжник, бедный прославленный Аллерн Хайтаун. Кто приковал тебя к твоей знаменитой тачке?

— Я тоже прославлен американской печатью. Я умею курить восемнадцать сигарет одновременно!

...Но неужели ради этого мать не спала над твоей колыбелью? Кто так чудовищно обокрал твою мать?

— Я знаменит тем, что лучше всех актеров мира истязаю на экране женщин. Это моя специальность в искусстве.

...Но ведь у тебя может быть дочь, Джеймс Месон. Это же гнусно, — то, что ты изображаешь перед подростками. Кто подсказал тебе нечеловеческую профессию?

— Я выпустил книгу «Как безнаказанно совершить убийство» — она разошлась тиражом в 200.000.

...Кто получил тебя, маленький писака Даниэль Эхери, искатель гонораров?

— Я служащий банка Уильям Ладж, избивший кулаками до смерти, замертво уложивший жену... Моя слава сделает бизнес. Они снимут меня в полицейском автомобиле в состоянии задумчивости... И тоже тиснут в «Дейли ньюс».

— Я маньяк, поджегший цирк в Хартфорде, когда сгорело 169 человек и было изувечено 412... Они сделают меня популярнейшим человеком после Трумэна и Форрестола. Пусть дети помнят мою блуждающую безумную улыбку на небритом лице... Снимок — в «Дейли ньюс».

А вот уже и не лицо славы, а ее, с позволения сказать, спина. Да, прекрасная спина мисс Долорес Рут Медлин — победительницы на конкурсе лучших спин и задов на пляже в Миами! Газета «Джорнэл американ» может гордиться своим снимком «Мисс Красивой Спины»...

У артистки из ночного кабаре украли 600 долларов. Америка о ней будет говорить. У начальника полиции Нью-Йорка достойные подражания усы. Америка проведет массовую анкету, — следует ли полисменам подражать своему начальнику. Молодоженам — по восемьдесят лет. Нельзя заподозрить жениха в том, что он женился, чтобы избежать поездки в Корею. Америка увидит в своих газетах дряхлую пару, бесстыдно лобызающуюся сморщенными губами. А вот ребенок, избитый до полусмерти матерью. Он принесет огромные барыши владельцам газет своим изукрашенным кровоподтеками личиком...

В таком вот мутном облаке преступлений, в мире, утратившем все моральные понятия, бредут, шатаясь, пьяные насильники, гангстеры — и уже строятся в батальоны морской пехоты. Вот они отплывают на военных транспортах к берегам чужой им, древней, трудолюбивой страны. Вот они летят в бомбардировщиках над мирными селами, городами Кореи, за десять тысяч километров от места своего рождения — и бомбят, бомбят...

Некогда Карл Маркс в «Капитале» привел яркую формулу: если «имеется в наличии достаточная прибыль, капитал становится смелым. Обеспечьте 10 процентов, и капитал согласен на всякое применение, при 20 процентах он становится оживленным, при 50 процентах положительно готов сломать себе голову, при 100 процентах он попирает ногами все человеческие законы, при 300 процентах нет такого преступления, на которое он не рискнул бы...»

Преступный строй, обреченный на гибель, сегодня он прославляет только преступников и уродов. Он демонстрирует, как низменны все желания, как отвратительны поступки, как грязны человеческие сердца. Но показывает он это, чтобы скрыть в этой клевете на человека свое собственное уродство.

Он рекламирует для молодого поколения все страдания, несчастья, уличные происшествия, все поджоги и сексуальные извращения. Так рождается янки-интервент! Капитализм не способен породить ничего другого. Только железные гроздья, гроздья колючей проволоки созревают в его виноградниках...

Но кремлевские куранты бьют двенадцатый час, предвещая сроки окончательного торжества коммунизма на земле.

— С Новым годом, товарищи!

Всепобеждающий творческий труд, — что может быть прекраснее в жизни советского человека — рабочего или ученого, писателя или инженера, артиста или педагога!

Мария Гордеевна и Сергей Иванович Шубины — учителя Кратовской железнодорожной средней школы № 9 Московско-Рязанской дороги. Они воспитали тысячи детей.

Достойно увенчан труд двух заслуженных учителей: в один из последних дней декабря в Кремле им были вручены правительственные награды — орден Ленина Марии Гордеевне и медаль «За трудовую доблесть» Сергею Ивановичу. В кругу родных и друзей, накануне нового, 1951 года, они провозгласили здравицу:

— За творческий труд!

Фото В. МУСИНОВА

На рубеже светлого дня

ИВАН СКАЛА,
чехословацкий писатель

Я стою на рубеже нового дня и радуюсь его приходу.

Радостью наполнены сердца не только чеха или словака. Это чувство владеет сегодня поляком и болгарином, венгром и албанцем, румыном и китайцем — сотнями миллионов освобожденных от капиталистического рабства людей Европы и Азии, согретых светом кремлевских звезд.

Новый день для всех нас — это новый шаг в еще более счастливое завтра, путь к которому открыли и освещают нам великие идеи марксизма-ленинизма.

Сияющий новый день застанет миллионы свободных людей на огромных пространствах от Китая до границ Западной Германии за осуществлением грандиозных планов мирного строительства.

Еще вчера страны народной демократии с неоценимой помощью Советского Союза восстанавливали разрушенное войной хозяйство. Сегодня каждая из них уже значительно превзошла довоенный уровень выпуска промышленной продукции. Завтра войдут в строй намеченные пятилетними планами новые заводы, города, школы, институты, машинно-тракторные станции, государственные земледельческие хозяйства... Еще выше поднимется материальный и культурный уровень народов, вставших под знамя мира, демократии и социализма.

Это объяснит миру, почему так радостен для нас приход нового дня, счастье которого пока еще недоступно тем, кто придавлен сапогом человеконенавистников.

Ничтожества с Уолл-стрита, возомнившие себя «сверхчеловеками», одной лапой разрушают демократические права и счастье людей в собственной стране, другой — пытаются растоптать весь остальной свет. И безумная, но бессильная ярость бороздит их рожи, когда они видят, что не могут проглотить нашу планету.

Как в старой сказке о Красной Шапочке, они стремятся скрыть хищные зубы под маской «доброй» бабушки. Эту рекламную маску можно увидеть и на киноплакатах на бульварах Парижа и проспектах Амстердама, на мраморе римских дворцов. Яростной пропагандой американцы пытаются замутить умы народов, растлить их души, сделать их своей добычей...

Чехословакия, как и другие народнодемократические республики, не поддалась опасным улыбкам послов «плана Маршалла» и быстро выпроводила их. Во всех странах народной демократии беспощадно разоблачаются заговоры и происки внутренней реакции, состоящей на службе у империалистов. Где-то на свалке истории валяются охраняемые американскими жандармами миколайчики, зенклы, надьференцы и прочие заговорщики. В злобном бессилии взирают на уничтожение своих шпионских гнезд фашистский наемник Уолл-стрита Тито и старый агент империализма Пий XII...

А свободные народы идут вперед. Они познали великие блага ленинско-сталинской политики дружбы, на которую опираются их взаимные отношения и связи с Советским Союзом.

Вот откуда в страны народной демократии приходит счастье!

Государства, принявшие «план Маршалла», неудержимо летят вниз по наклонной плоскости — к хозяйственной разрухе, безработице, невыразимой нищете трудящихся, голоду. Колоссальные военные расходы сметают последние крохи со стола трудящихся маршаллизованных государств.

Дельцы Уолл-стрита видят в войне самый доходный бизнес. Потоки крови от зверских убийств корейских детей, женщин и стариков они превратили в миллионы долларов. Американская фирма «Боинг», выпускающая «летающие крепости», за девять месяцев 1949 года имела 1,7 млн. долларов барыша, а за тот же период 1950 года загребла 8,2 миллиона долларов прибыли! Журнал «Бизнес уик», опьяненный кровавым профитом, заявляет, что война в Корее служит прочной гарантией того, что производство в США не будет снижено, а, наоборот, расходы на вооружение еще более возрастут.

Военная истерия, дикая пропаганда войны призваны заслонить свет нового дня народам Запада.

Не выйдет! Сотни миллионов людей, которые были представлены на Втором Всемирном конгрессе сторонников мира, остановят руку взбесившегося империалистического зверя!

Всемирная Ассамблея Мира состоялась в Варшаве, в одной из тех стран, народы которых, после их освобождения Советской Армией, сбросили со своих плеч иго капитализма. Эти страны, следуя за великим знаменосцем мира и социализма — Советским Союзом, представляют собой ныне могущественную крепость мира.

Империалистические гангстеры скрежещут зубами при каждом успехе свободолюбивых и мирных демократических народов. В неистовую ярость приводят главарей Уолл-стрита удары, которые наносят их надеждам героические воины корейской Народной армии и китайские добровольцы. Американские империалисты пытаются успокоить себя возмущающими весь мир истерическими воинственными выкриками, подобными тем, которые 30 ноября народы услышали от мистера Трумэна. Они пытаются заразить военной истерией трудящихся маршаллизованных стран, которых они лишили хлеба, а теперь лишают и спокойного сна...

Но это тщетные усилия... Безработный лондонский шофер мечтает о счастливой жизни советских трактористов, жизни, которую ему никогда не даст Эттли. Американский негр с любовью обращает свой взор к стране, являющейся отчизной для всех угнетенных народов, где нет деления на черных и белых. Французский ученый с глубоким уважением относится к Советскому Союзу — центру новой, самой передовой культуры, стране, в которой великие научные достижения используются в борьбе с природой, заставляют ее служить человеку.

Народам всего земного шара виден гордо высящийся величественный маяк коммунизма, освещающий путь к миру, дружбе и счастью человечества.

Озаряемый его благотворным светом, кипит созидательный труд в странах лагеря социализма.

Великий китайский народ, сбросивший тысячелетнее рабство, со сказочным героизмом закладывает фундамент своего нового государства, связанного узами братской дружбы с Советским Союзом.

В Народной республике Албании сдается в эксплоатацию новая железная дорога Печин—Эльбасан, начинается строительство крупного деревообрабатывающего комбината. Трудящиеся Народной республики Болгарии приветствуют строителей Димитровграда — нового индустриального и культурного центра страны, добившихся больших успехов в выполнении плана первого года пятилетки. В столицы Венгрии и Польши со всех концов этих республик поступают сообщения о досрочном завершении народнохозяйственных планов 1950 года. Ликует народнодемократическая Румыния в связи с утверждением широкой программы электрификации страны и первого пятилетнего плана дальнейшего развития экономики и культуры государства...

Один из рабочих новой Чехословакии Карл Сарауер пишет в своей рабочей газете: «Нашим вкладом в дело борьбы за мир является труд — честный, радостный, целеустремленный, созидательный мирный труд, который с каждым днем во много раз увеличивает крепость нашей родины, силу всемирного фронта сторонников мира. Если военные безумцы страшатся будущности, то мы ей радуемся. Если они хотят смерти человечества, то мы хотим его жизни. С нами мир, жизнь и счастье, так как с нами великий И. В. Сталин!»

Я готов тысячу раз повторить эти слова, потому что в них заключена радость каждого нового дня нашей жизни!

ПРАГА

Ефим ДОРОШ

ЛЮБИТЕЛИ

РАССКАЗ

Ветеринарный фельдшер и режиссер колхозного драмколлектива Карпо Егорович Степух, человек уже немолодой, страдающий ожирением, в сдвинутой на затылок высокой смушковой шапке и тяжелом бобриковом полупальто нараспашку, с остервенением вертел ручку телефона. В косматых черных бровях его дрожали капельки пота. Седые, будто тронутые ржавчиной усы, обвислые, как у моржа, почти закрыли трубку.

— Красильниково! — кричал Карпо Егорович. — Красильниково!.. Та не ветлечебницу, райпартком дай мне, Хима, будь ласка. Третьего секретаря. Але!.. Товарищ Хижняк?.. Митрий Онисимович, репетиция же срывается! Завтра ж новогодний спектакль, а Гамлет, и Розенкранц, и Офелия, ну все чисто на совещании. Что? Выехали! Ну, спасибо...

Ранний зимний вечер синел за окнами клуба; стекла искрились от легкой изморози. На улице поскрипывал снег под сапогами прохожих. Один за другим вспыхивали костры во дворах, стреляя оранжевыми искрами в звездное небо, и когда открыли у клуба дверь, чтобы внести большую, привезенную километров за триста елку, то вместе с морозным воздухом и запахом хвои в зал хлынул запах горелой щетины — палили кабанов к Новому году.

— Теперь, конечно, говорят: коллектив художественной самодеятельности, — обратился ко мне Карпо Егорович, кладя на спинку кресла сложенное овчинной наружу полупальто. — А по-старому было — любители. Думаю, потому это, что годов тридцать пять назад, когда начинал я играть, мало кто из нас, любителей, основную свою специальность уважал, а к сцене была любовь.

Карпо Егорович снял шапку, обнажив бритую голову, которая в сравнении с обветренным кирпичным лицом казалась густо напудренной. На левом лацкане просторного пиджака пестрела ленточка медали «За трудовую доблесть». Мягко ступая обутыми в высокие чесанки ногами, Степух шагал вдоль подмостков.

— Сегодняшний день, скажем, — развивал он свою мысль, — я отвечаю за пять ферм: и кони у меня, и крупный рогатый, и овцы, и свиньи, и птица, в том числе водоплавающая. С меня же не только правление спрашивает. Район интересуется... Областной центр! Три раза на курсы посылали, один раз даже на конференцию ездил... Сегодняшний день, понятно, я и в основной своей специальности — любитель, из любви работаю, для души. А годов тридцать пять назад, когда был я, по-уличному сказать, коновал, и кроме как быка выложить, или, извиняюсь, беспородной гапкиной корове по случаю ветренных колик слепую кишку проколоть, никакого простора не имел, — тогда для души оставалась одна сцена...

Шоферы, принесшие елку, давно ушли, и холодный воздух, который они напустили в зал, как бы растаял в сухом, пахнущем краской тепле, шедшем от новеньких батарей центрального отопления. На темную сцену из приоткрытой двери боковой комнаты, где художники писали декорации, падал резкий луч света.

— Не великое дело пьяного сыграть, — продолжал Карпо Егорович, остановившись возле суфлерской будки, — а неделю переживаешь. Сходишь, бывало, на станцию к покойному Лазаренке. Сидору Поликарповичу... Он тогда машинистом ездил. Крупнейший был любитель. У меня ж до него, сказать, каша во рту была, так он для артикуляции научил спички в рот вставить и с теми спичками разговаривать. Покажешь ему роль, а он: «Ты же, Карпо, еще дурной. Ну что ты руками, як той витряк, машешь, что ты слова попусту ломаешь!.. Пьяного как надо играть? Встань! Соберись! Иди навпрямки, да так, будто тебе невозможно это, а ты изо всех сил стараешься по одной половице пройти». Большую науку переняв я от покойного Сидора Поликарповича...

Позвонил колхозный счетовод, игравший Полония, справился — скоро ли репетиция, сказал, что будет у себя в конторе, а когда приедут ребята из района, он подойдет. Вошли два десятиклассника — Витя и Митя, исполнявшие роли Марцелла и Бернардо, краснощекие, светловолосые, одетые в одинаковые белые свитеры и коричневые лыжные штаны. Они достали тетрадки с ролями и стали проверять друг друга, будто готовились к экзамену.

Возле сельпо напротив, должно быть, остановился обоз, — ржали кони, скрипел снег под полозьями, перекликались возчики: «Бережно бери», и кто-то простуженным голосом деловито спрашивал: «Белую головку привезли?.. а дрожжи?..»

— Загадали мы с тем Сидором Поликарповичем, — рассказывал фельдшер, — Гамлета, принца датского, сыграть. Это же, когда не знаете, у каждого актера была такая задушевная думка, профессионал он или любитель, одинаково. Но только с кем играть? В нашей Змагайловской волости любителей было — мы с Лазаренкой, учительница земской школы Евдокия Павловна, две поповны, волостной писарь Мотузок, лавочница Анфиса Ивановна, ну и три, от силы четыре хлопца, что учились в уездном училище и приезжали домой на каникулы. При таком составе «Шельменко-денщик» или «Остались в дурнях» вполне расходились. Но «Гамлет»!.. Полония покойный Сидор Поликарпович брался сыграть, самого принца Гамлета мне он доверял, Офелию — учительнице. А для королевы, выходит, лавочница или поповны остаются. Для Лаэрта — волостной писарь. Разве ж могли они такое понять!..

И фельдшер проговорил звучным, неожиданно помолодевшим голосом:

Природа, зрея, умножает в нас
Не только мощь и статность;
с ростом храма
Растет служенье духа и ума.

За стеной в фойе баском взревела труба; тоненько и в разнобой заверещали флейты; будто перекликаясь, каждая о своем, заговорили другие трубы оркестра.

— Да и где его было играть, «Гамлета»? — как бы размышлял вслух Карпо Егорович. — Мы же в школе тогда выступали: сдвинем парты, настелем горбылей, подвесим три лампы-«молнии». Нужно тебе по ходу действия ногой притопнуть, а партнер аж подскакивает на тех горбылях.

Оркестр, словно трубы его, наконец, поладили между собой, обрушил в зал дружную, гремящую медь марша из «Руслана и Людмилы». Степух всполошился, велел Мите с Витей гнать «духовиков». Вместе с мальчиками побежали в фойе выскочившие вдруг из боковых комнат за сценой художники и вся редколлегия стенной газеты в полном составе, готовившая новогодний номер. Марш оборвался. Стало слышно, как «духовики», собирая пульты и укладывая инструменты, жалуются, что их отовсюду гонят, а под Новый год, небось, танцевать захотят.

— После гражданской войны, — вспоминал фельдшер, — когда солдаты вернулись из Красной Армии, любителей прибавилось. И не таких, как писарь с лавочницей. Люди же политическую подготовку получили, в больших городах и в агитпоездах настоящих актеров повидали. Совсем другой народ. Ставили мы и «Ревизора», и «Горе от ума», а потом советские пьесы пошли: «Разлом», «Бронепоезд»... Но для «Гамлета» не могли набрать ансамбля.

Карпо Егорович рассказывал, как вместо бывшей земской школы открылась в Змагайловке школа крестьянской молодежи, где преподавала не одна только Евдокия Павловна, а еще шесть или семь учителей, из которых двое могли участвовать в «Гамлете». Но умер машинист Лазаренко, да и сам фельдшер по чрезмерной тучности своей не то что принца датского, но Полония или Клавдия уже не мог сыграть. — «Разнесло ж меня, ну, скажи, на дрожжах», — добродушно усмехнулся он, взявшись руками за бока, и продолжал рассказывать, как после коллективизации, когда в село приехали агроном и зоотехник, когда организована была МТС и змагайловские хлопцы и девчата, окончив курсы механизаторов, стали трактористами, комбайнерами, бригадирами тракторных отрядов, давнишняя мечта его вот-вот готова была осуществиться. Недоставало лишь исполнителя роли Гамлета да еще двух или трех ролей. И хотя драмколлектив колхоза переиграл чуть ли не весь столичный репертуар, иные из жителей Змагайловки, особенно молодежь, зная о мечте старого сельского режиссера, добродушно спрашивали: «А когда же вы, Карпо Егорович, «Гамлета» покажете нам?» И Степух, у которого и без того хватало дел и забот — росло поголовье скота, создавались новые фермы, — продолжал искать исполнителей для «Гамлета».

— Тут у меня все записано, — протянул мне фельдшер толстую и ветхую памятную книжку и с треском снял надетую на нее красную резинку.

В книжке, рядом с именами героев трагедии Шекспира, стояли фамилии украинских крестьян: Фортинбрас — Карпенко, Гильденстерн — Лисюк... Многие из фамилий были зачеркнуты, над ними теснились пометки: «уехал в институт», «убыл в армию и не вернется — офицер», а возле каждой такой фамилии — новая. Были в книжке и такие записи: «ШКМ реорганизована в полную десятилетку, приехало еще семь учителей, но ни один не играет». «Создан медпункт, докторша — поет, а к драме нема влечения. Что ж мне, оперу ставить!», «Был на вечере выпускников. Галя Мороз — Офелия, лучше не надо. А Павло Гудзь — Гамлет. Только бы не уехали учиться». «Уезжают-таки. Но, слава богу, Галя — на лесоводческие курсы, а Павло — на курсы механизаторов. Значит, до нас вернутся. Придется ждать».

— Дождался я их, — сказал Карпо Егорович, заметив, что взгляд мой остановился на последней записи, — дождался, а только тем дело не кончилось. У нас же, когда не знаете, до прошлого года три колхоза было в селе. Никак не соберешь репетицию. Галя, скажем, — она звеньевая лесоводческого звена, — в лесу расчистку делает... Павло, тот бригадир тракторного отряда, со своим председателем график-маршрут составляют... Омелько или Ганна, — они ж в третьем колхозе, — удобрения возят... Пока договоришься с председателями — время ушло.

Пересчитав окна, по залу скользнул голубой луч света. Послышалась песня. Катившийся вровень с нею хриплый, прерывистый голос мотора наполнил улицу. Задребезжали стекла, и возле клуба остановился грузовик. Вслед за резкой волной холода, ударившей по ногам, в зал ввалились участники совещания, шумные, с пятнами яркого румянца на щеках.

— Митя с Витей! — засуетился Степух и начал стучать ладонью по небольшому столику, стоявшему перед сценой, требуя внимания. — А ну, давай, позвони в контору: нехай Микита Оноприевич идет... И в третью бригаду, до Клесника, и в школу... Начали! Выключить зал, свет на сцену! Повторяем эпизод после монолога «Быть иль не быть», а потом в костюмах все сначала. Галя, Павло, кому говорю!..

Тоненькая девушка в синем лыжном костюме, в маленькой, с кулак, пестрой вязаной шапочке, произнесла невнятным с морозу голосом:

— Мой принц, как поживали вы все эти дни?

— Благодарю вас: чудно, чудно, чудно, — ответил статный темноликий хлопец с косым черным чубом, одетый в короткую кожаную куртку сплошь в застежках-молниях.

...В змагайловском клубе началась репетиция трагедии Вильяма Шекспира «Гамлет, принц датский».

Александр МЕЖИРОВ

НАША ШКОЛА

Над большой московской школой,
Над десятым классом «В»
Льется свет зари веселой
По рассветной синеве.

В этой школе я когда-то,
Поутру, в кругу друзей,
Осознал себя солдатом
Всей душой и правдой всей.
И решенье в школьном зале
К нам в сердца пришло само —
Мы сидели и писали
Ворошилову письмо:
«Наше сердце так решило,
Так нам совесть говорит:
Ты пошли нас, Ворошилов,
Самолетом под Мадрид!»

Мой десятый класс далеко,
Потому что для меня
Детство кончилось до срока,
До положенного дня.
За войною, за волною
Темной ладожской воды
Распрощалось ты со мною,—
Где найду твои следы?
Ты ушло, не оглянулось,
Заспешило по живью.
И опять, опять вернулось
В школу дальнюю мою.
В этой школе я когда-то
Осознал солдатский долг.

...Утро. Год пятидесятый.
Подошли к столу ребята,
В школьном зале говор смолк.
Тихо, солнечно и рано.
У ребят глаза горят.
Телеграммы из Пхеньяна
Молча слушает отряд.
Заявленье Ким Ир Сена...
Бой на трудном рубеже...
Пролетела перемена,
На урок зовут уже.

А они звонка не слышат,
У стола сойдясь гурьбой,
В школьном зале что-то пишут,
Как писали мы с тобой.

Над землей морозной рея
Жарким сполохом огня,
От Мадрида до Кореи
Мчится время сквозь меня.
Наполняет сердце гулом,
Болью острой и живой—
В рукопашной под Сеулом,
Под Мадридом в штыковой.

Евг. ДОЛМАТОВСКИЙ

ИЗ НОВЫХ СТИХОВ

Мы с тобою, частенько бывая вдвоем,
Не умеем остаться одни,
В этот вечер опять залетели в наш дом
Со всего мироздания огни.
Ну-ка, свет погаси, телевизор включи!
Ты ведь любишь вечерний уют.
Очень мудро придуманы эти лучи.
Что сегодня передают?
Песня вместе с певцом через легкий туман
Проступает виденьем сквозным.
Слишком узким нам кажется этот экран,
Нет, мы большее видеть хотим!
К нам зимою заходит весна на порог.
Запах целой плантации роз
Из вчерашних пустынь молодой ветерок
На невидимых крыльях донес.
Звезды, ветер, цветы — это все хорошо,
Это часть бытия моего.
Но, друзья и подруги с открытой душой,—
Вот что в жизни важнее всего.
К нам доходят погибших солдат голоса,
Нас согрело дыханье живых.
С нами горы и реки, поля и леса,
Потому так прозрачен и тих
Этот вечер, когда мы с тобою вдвоем,
Только, видишь, совсем не одни.
Вновь до нас орудийный доносится гром —
Нам святая тревога сродни.
Как болит, как пылает Корея во мне,
И клокочет у сердца Вьетнам.
Вот в такой мы сегодня живем тишине,
Вот к каким подошли временам.
В мир огней и тревог и суровых дорог
Мы с тобой распахнули окно.
Никакой телевизор принять бы не смог
То, что сердцу увидеть дано.

Из книги стихов «О любви и дружбе»

Пятидесятилетие Наири Зарьяна

Дорогой Наири Егиазарович!

Президиум и секретариат Союза советских писателей СССР сердечно поздравляют Вас в день Вашего пятидесятилетия.

Всю Вашу творческую жизнь Вы посвятили созданию и развитию передовой советской армянской литературы. Ваши талантливые произведения, стихи, поэмы, комедии и роман, проникнутые духом советского патриотизма, играют большую роль в деле идейного и художественного воспитания широких масс трудящихся.

Желаем Вам, дорогой Наири Егиазарович, многих лет здоровья, новых больших творческих достижений, обогащающих не только армянскую, но и всю нашу многонациональную советскую литературу.

Фадеев, Симонов, Тихонов, Сурков, Вишневский, Корнейчук, Софронов, Твардовский, Венцлова, Леонов, Панферов, Кожевников, Якуб Колас, Асеев, Бровка, Грибачев, Маршак, Самед Вургун, Чиковани, Щипачев, Турсун Заде, Прокофьев.

ЧЕРТЫ НОВОЙ МОРАЛИ

◆ Б. РЮРИКОВ ◆

На рубеже Нового года, на рубеже половины века, перелистаем последние книжки журналов. Как широка «география» писательского внимания: мы читаем стихи Н. Грибачева о Корее, стихи А. Суркова об Англии, пьесу Г. Мдивани «Люди доброй воли» — о борцах за мир в Азии, роман М. Ибрагимова о южном Азербайджане, стихи М. Рагима об Индии и Г. Эмина о Китае, стихи Л. Ошанина о странах народной демократии, публицистические очерки об Америке, Канаде, Германии...

С высоты исторических побед, одержанных социалистическим обществом, мы смотрим и в свое светлое будущее и на жизнь той половины планеты, что еще находится во власти черных, реакционных сил.

Борьба за мир, за социализм — это борьба за счастье человечества, которому угрожает озверевшее чудовище — империализм. Страшен облик города, уничтоженного войной. Улицы в развалинах, зеленые парки и сады вырублены или сожжены, на месте зданий, в которых беспечно резвились дети и работали люди,— обгоревшие руины. По разве капитализм обрушивается на людские души не такой же беспощадной, несущей смерть рукой, стремясь истребить все живое, светлое, радостное, превратить сердца людей в черные развалины, где не должно найти приюта ничто смелое, честное, передовое?

На второй Всесоюзной конференции сторонников мира с блестящей речью выступила доктор медицинских наук М. Покровская. Талантливый советский микробиолог, она заклеймила каннибальскую, чудовищную книгу американского фанствующего ученого Теодора Розбери «Мир или чума». По мнению этого людоеда, заражение людей бактериями чумы — нормальный способ борьбы, и неважно, умрет ли человек легкой смертью или смертью мучительной: все равно он будет мертв; нельзя быть более мертвым, чем труп.

— Можно быть более мертвым, чем труп,—гневно отвечала М. Покровская поджигателю войны Розбери, — если умереть заживо позорной смертью, как уже при жизни умерли вы в глазах всех честных людей мира.

В годы Великой Отечественной войны товарищ Сталин охарактеризовал фашистов как людей, лишенных совести и чести, людей с моралью животных. «Уже одно то, что в своей моральной деградации немецкие захватчики, потеряв человеческий облик, давно уже пали до уровня диких зверей, — уже одно это обстоятельство говорит за то, что они обрекли себя на неминуемую гибель».

История повторяется — заокеанские фашисты и их подголоски снова пропагандируют мораль животных, снова предлагают забыть про совесть и честь.

***

В английском журнале «Райтер» писатель Джеральд Вернер в статье с поучительным названием «Бросьте гадости» поделился такими признаниями о реакционной литературе:

«Писатели как будто получают удовольствие, погружая своих героев в выгребные ямы... Распространяемый этими книгами запах тошнотворен... Писатели создали собственный мир, из которого исключены честь, достойное поведение и вообще все здоровое. Это развращенный мир заранее обдуманного насилия, холодной чувственности и всякого рода экспессов».

Выгребная яма — это довольно точная характеристика того, что представляет собой сегодня капиталистическая мораль. С ростом военной истерии она становится все наглее и циничнее, все более беззастенчиво бросает вызов всему человеческому. Говард Фаст пишет в своей статье «Литература и действительность»:

«Старый кодекс морали, делающий героев из убийц, святых из дураков, кумиров из сводников, философов из трусливых лакеев власть имущих, должен быть уничтожен».

Талантливый прогрессивный писатель говорит о великом источнике новых моральных идей, подлинно человеческих духовных принципов — о социалистической морали.

Мораль — это соль творческого процесса, — говорит Говард Фаст. «Без моральных оценок литература не может существовать; замечает или не замечает художник, моральные критерии — это и есть тот цемент, которым он скрепляет разрозненные факты, собранные им из широкой панорамы жизни».

В этих словах заложена большая правда. Прогрессивное искусство всегда было носителем высоких нравственных принципов. Этические и эстетические принципы сливаются в нем неразрывно, взаимно оплодотворяя и обогащая друг друга. Величие и красота морального облика, раскрытые средствами искусства, делали художественно прекрасными образы передовой литературы. Раскрывая красоту борьбы за коммунизм, красоту творчества и воинского подвига, наша литература выступает перед лицом всего мира как провозвестница новой, коммунистической, общечеловеческой морали.

Если литературные лакеи империалистической реакции пытаются окружить ореолом красоты свои злодеяния в Корее, свои преступления в борьбе с прогрессивными силами, пытаются делать положительного героя из насильника, бандита или палача, — советская литература гордо утверждает образ носителя новой морали, Человека с большой буквы, созидателя и бесстрашного борца за новое.

Социалистическая действительность, весь строй советской жизни содействуют развитию благороднейших черт человека. Возвышенность чувств и стремлений стала у нас типичной и массовой чертой: возвышенность, которая проявляется и в героическом подвиге, и в самом обыденном деле.

Очень важно, что с каждым годом советская литература все шире и глубже охватывает мир трудовой деятельности людей самых различных профессий. Это не реестр профессий, не бесстрастное «принятие на учет» еще одной отрасли человеческого труда. Труд освещается светом поэзии, ибо он показывается как целеустремленная, сознательная деятельность, одухотворенная стремлением к великому социалистическому идеалу. Такова, например, деятельность колхозных ирригаторов Хакассии в повести А. Кожевникова «Живая вода», будничная работа членов рыбацкой артели в «Пловучей станице» В. Закруткина, труд простых шоферов в «Водителях» А. Рыбакова. В труде раскрываются человек, его новые высокие идейные и нравственные качества.

***

В альманахе «Год тридцать третий» (книга шестая) опубликована первая повесть эстонского писателя Федора Эйнбаума «В курортном городе». Очень просто, ровно и мягко рассказывается в повести, что видел, что вспомнил и передумал в течение одного дня старый эстонский рабочий Хендрик Томингас, приехавший на прибалтийский курорт.

Старый рабочий вспоминает о событиях его жизни, которые разыгрались здесь же десять лет назад. Он вспоминает своего сына Хейно, судьба которого была безжалостной. Это случилось еще при кулацком правителе Пятсе. Мальчик кончил школу, с трудом нашел работу на фабрике, выпускавшей электрические элементы, но хозяин обанкротился и фабрика закрылась. В буржуазной Эстонии не нужны были молодые, сильные рабочие руки! Хейно отправился в Австралию искать счастья на лесных разработках. Там произошел несчастный случай: упавшим деревом юноше переломило руки, и он вернулся домой без гроша, с беспомощно висящими руками.

«Руки, обе руки! Руки, которые выгибают кувалдой самую толстую листовую сталь, руки, которые наносят на чертеж тончайшие пунктирные линии, обнимают за талию девушку, приносят домой в конверте получку».

Старый Томингас тяжело переживает страшную трагедию юноши, лишившегося места в жизни, ощутившего себя беспомощным и ненужным. Собрав последние семейные сбережения, едет он с сыном на приморский курорт, и там его обирают дельцы в белых халатах, сделавшие медицину источником доходов. Они поманили надеждой на излечение, а забрав все деньги, отвернулись: дальнейшее их не интересовало. В довершение всех бедствий девушка, с которой были связаны лучшие надежды юноши, в сентиментальном, но безжалостном письме сообщала, что ей нечего делать с человеком, которому не повезло.

«Жизнь уж так устроена, — она для сильных, удачливых», — пишет Хельми.

Юноша кончает с собою — тут же, в комнате санатория, где померкли последние его надежды на будущее.

Старик-отец, бывший с юношей в те роковые дни, через десять лет снова попадает в курортный город. Но как все изменилось вокруг! Вместо барышника от медицины Тигельзена его встречает доктор Терас, который сам немало пострадал от барышников и теперь счастлив от мысли, что ему дано все, чтобы восстанавливать силу и здоровье людей. Вместо показной роскоши отеля, где прислуга услужливо суетится около богатых,—приветливость и радушие ко всем. Старик вдруг чувствует, как важно и для доктора, и для сестер, чтоб он хорошо отдохнул, подлечился. Только в старости Хендрик почувствовал, как нужен людям его труд, его мысль, его инициатива. Только в старости ощутил он заботу о себе.

Он видит, как восстанавливают здоровье его товарищи, как фронтовик Демкин со своей покалеченной рукой стремится вернуть работоспособность. Он не отчаивается, ибо знает — все, что можно сделать для него, будет сделано. Родоновые ванны, кварцевые установки, соллюкс — все эти слова стали в повести поэтичными, потому что речь идет о вещах, служащих человеку, созданных для того, чтобы давать ему силу и здоровье.

Читатель переживает горе старого эстонца — большое человеческое горе, тонко и проникновенно переданное Ф. Эйнбаумом. Но трагедия юноши, разыгравшаяся десять лет назад, только подчеркивает, как изменилась жизнь, как изменился человек, ставший хозяином судьбы, как изменилось отношение к человеку.

Повесть Ф. Эйнбаума, в которой ясный, чистый рисунок сочетается с благородной мыслью и мягким лиризмом, — свидетельство торжества новой, коммунистической морали, нового отношения к человеку, укрепившегося у нас. И когда старый Хендрик думает, как был бы счастлив его Хейно, живи он сейчас, с какой любовью и заботой отнеслась бы к нему Родина,— в этом раскрывается уже вошедшее в быт, сделавшееся привычным убеждение, что счастье стало естественным состоянием человека и каждый имеет право на него, что человек в советской стране—это, действительно, высшая ценность. Поэзия повести Ф. Эйнбаума — высокая человечность; пафос ее — гордость за человека советской страны.

***

У колыбели советской литературы стоял великий Горький, произведения которого помогали большевистской партии формировать моральный облик поколений русских людей. Книги Маяковского, Серафимовича, Фурманова, Шолохова, Островского, Фадеева играли и играют неоценимую роль в идейно-нравственном воспитании миллионов. И радостно видеть, как молодые писатели внимательно и чутко изображают процесс роста и укрепления в сознании масс принципов коммунистической морали.

Одна из привлекательных сторон повести Ю. Трифонова «Студенты» — в том, что автор сумел создать светлую и чистую нравственную атмосферу, окружающую его героев. Это не значит, что все действующие лица светлы и безгрешны. Нет, в повести действует и преподаватель Козельский с его холодным, эстетским взглядом на жизнь и искусство, с его «комфортабельным скептицизмом», эгоистический и самонадеянный Сергей Палавин, Лена Меловская, испорченная матерью, считающей необходимым охранять девушку от забот и обязанностей. Но Трифонов показал, как из нравственных качеств отдельных героев складывается нравственный облик коллектива. Коллектив влияет на каждого, но и каждый вкладывает свою долю в формирование коллектива.

«Есть много родов образования и развития, и каждое из них важно само по себе, но всех их выше должно стоять образование нравственное. Одно образование делает вас человеком ученым, другое — человеком светским, третье — административным, военным, политическим и т. д.; но нравственное образование делает вас просто «человеком», — писал в свое время Белинский.

Истинная нравственность, — подчеркивал великий критик, — растет «из сердца при плодотворном содействии светлых лучей разума. Ее мерило—не слова, а практическая деятельность».

Веления разума в сознании наших людей объединяются с естественнейшими стремлениями сердца. Как требователен коллектив студентов — коммунистов, комсомольцев, беспартийных — к каждому члену коллектива, как нетерпимы для него малейшая фальшь, неискренность, нарушение принципов коммунистического отношения к человеку. Мы видим, как коммунистическая мораль стала великой активной, действенной силой.

Самовлюбленный, равнодушный к товарищам, не отдающийся делу всей душой и потому становящийся пустоцветом, Сергей Палавин ощущается чужим человеком в строгой и чистой студенческой среде.

«Разговор идет крупнее, — говорил Вадим Белов, гневно обличая в товарище недостойные советского человека черты,— об отношении к жизни. Надо ли дорожить настоящей работой, настоящим трудом, чувствами, дружбой, любовью и бороться за них, драться за них на каждом шагу, не боясь трудностей... Или достаточно — как считаешь ты — только на словах поддакивать всем этим правильным идеям, а в глубине души посмеиваться над ними и жить по-своему? Жить легко, благоустроенно, выгодно... И только одно любить страстно, об одном заботиться по-настоящему, талантливо, беззаветно, не жалея ни времени, ни труда,—любить себя, заботиться о своем собственном будущем. Так ты собираешься жить, Сергей? Так жить мы тебе не позволим!»

Потребительскому, эгоистическому отношению к жизни Сергея Палавина противопоставлено творческое, активное, хозяйское отношение. Сергея критикуют сурово, но эта критика вызвана стремлением сохранить человека, сохранить не на основе уступок старому, чужому, а на основе нерушимых советских принципов морали. Коммунистическая мораль требует высокой принципиальности во всем.

Широк круг интересов молодежи. Все волнует ее: угроза новой войны, великие события в Китае, борьба с чуждыми теориями в науке, работа завода, колхоза. Но это не интерес свидетеля, стороннего наблюдателя; молодой человек нашей страны хочет быть не зрителем, а участником событий великой эпохи, каждому присуще сознание своей личной ответственности за жизнь. Студентка лесного техникума Оля отказывается от спокойной работы в ботаническом саду в Москве и едет в Сталинградскую область, на лесозащитную станцию. «...Я хочу самостоятельной, трудной жизни». Молодежь говорит о радости, которая маячит впереди, светится путеводной звездой, наполняет человека силой и вдохновляет на подвиг. Это радость свершения. Вся жизнь с гигантскими масштабами задач, решаемых народом под руководством партии, укрепляет активное, творческое отношение к жизни, характерное для коммунистической нравственности.

***

В нашей стране объединились две великие силы — народ и коммунизм. Коммунистическая мораль—это мораль общенародная, в ее принципах выражены коренные интересы миллионов людей. Высокая большевистская идейность, патриотизм, творческая активность, любовь к труду, глубокое уважение к человеку, товарищеское отношение к женщине — все эти черты нашей морали, укрепляясь в сознании людей, способствуют усилению мощи и непобедимости социалистического государства.

Воплотить в полноценных образах красоту строителей коммунизма, носителей новой морали — значит укреплять эти новые отношения, делать их еще более массовыми.

Но справиться с этой почетной задачей нельзя без внимательного, чуткого отношения к новому в жизни, в сознании людей. Не надумывать «новое», а видеть ростки нового в реальной жизни, в повседневных, будничных отношениях!

Еще слишком часто носитель нового предстает в произведениях литературы не как полный жизни, деятельный, духовно богатый человек, а как некое абстрактное существо, морализирующее, вместо того чтобы действовать. Так бывает, когда вместо полнокровного, живого человека нам изображают должность, лишенную своеобразия, не имеющую живых черт, — у абстрактной схемы не может быть ни моральных качеств, ни красоты; безликая и бездушная, она не действует ни на сердце, ни на разум, если не считать того, что вызывает чувство скуки.

Советская литература — знаменосец и глашатай великих идей коммунизма, идей мира и демократии. Она оказывает огромное воздействие на мировую литературу, активно влияет на сознание миллионов людей и за рубежами нашей страны. Творчество литераторов страны социализма — вдохновляющий пример для писателей стран народной демократии, для прогрессивных писателей стран капитализма, и оно—сильнейшее оружие в борьбе с растленной идеологией и моралью старого мира.

А. А. Жданов говорил: «Конечно, наша литература, отражающая строй более высокий, чем любой буржуазно-демократический строй, культуру во много раз более высокую, чем буржуазная культура, имеет право на то, чтобы учить других новой общечеловеческой морали»...

Учить новой, общечеловеческой морали — это значит раскрыть в образах величие и красоту социалистической действительности, противопоставить идеалам разрушения и смерти благородные идеалы творчества и сознания, показать, что могуча и непобедима та страна, где жизнь стала источником невиданной красоты.

— С Новым годом! С новым счастьем, товарищи! —восклицают молодые строители Московского государственного университета Александр Евсеенков, Лидия Килеева и Георгий Клевцов. Величественное здание университета поднимается высоко над Москвой, на Ленинских горах, там, где 122 года назад А. И. Герцен и Н. П. Огарев поклялись «пожертвовать... жизнью на избранную нами борьбу».

Вот они, потомки тех, кто отдавал свою жизнь борьбе за народное счастье!

Может быть, лет пять-шесть спустя, перелистывая номера советских газет 1950 года, кто-нибудь захочет проследить судьбу этих трех молодых людей... Мы можем опередить время и заглянуть в их будущее. Сегодня они строят новое здание университета и учатся в школе рабочей молодежи. Завтра они будут учиться в университете, построенном своими руками, — они уже подали заявления о зачислении их на первый курс. И кем бы они ни стали через пять-шесть лет — историками, физиками, литераторами,— им будет принадлежать вторая половина века, эпоха коммунизма.

Фото В. МУСИНОВА

Творческие планы советских писателей

Анатолий СУРОВ

Трудно отчитываться перед советским читателем. Трудно, но и почетно! Как волнует и радует сознание, что ты творишь для своего народа, под строгим и требовательным наблюдением его и при его сердечной помощи! Литература и жизнь, жизнь и искусство — все слилось нынче воедино, все устремлено в завтрашний день, все совершенствуется «по законам красоты».

Прошедший год — счастливый год! Написал сценарий о железнодорожниках. Приступили к съемкам. В Москве идет в двух театрах «Рассвет над Москвой». Родилась дружба с замечательным коллективом Театра имени Моссовета, с Ю. А. Завадским. Многому у него научился.

И все-таки, надо честно сказать, итог неполноценный. Можно и должно было сделать больше, а главное — лучше. Подводя баланс, обещаю читателям: 1951 год будет плодотворнее. Закончу пьесу о Москве 1941 года. Закончу пьесу «Широка страна моя родная». Напишу сценарий о трех поколениях советских женщин.

◇ ◇

Вера ПАНОВА

Весь прошедший год я писала новый роман. Буду писать его еще год-полтора. Роман охватывает три года жизни одного небольшого советского города. Герои — их много. Горсоветчики, депутаты, партийные работники, рабочие, домохозяйки, школьники, милиционеры. Словом, те люди, которые живут и работают в каждом маленьком городе.

Я расскажу о том, как мальчишка, осиротевший во время войны, нашел свою новую семью, как он взрослея входит в жизнь, впервые идет голосовать 17 декабря 1950 года.

Жизнь города, жизнь этих людей, расцвет города, расцвет людей — душевный, умственный, волевой, вот о чем я хочу рассказать в своем новом романе.

Я радостно прожила минувший год. Находилась безотлучно в кругу людей, которые войдут в книгу, вникала в их интересы, изучала, чем они занимаются. Теперь думаю за них, говорю за них на белых листах бумаги. Мне довелось увидеть очень хороший, светлый мир. Я жила с удовольствием весь прошедший год и радуюсь, что с этими хорошими людьми буду еще долго жить.

◇ ◇

Б. ПОЛЕВОЙ

С волнением и радостью оглядываемся мы, советские люди, на прожитый год, завершивший первую половину XX века. Просто не перечислишь всех замечательных событий, какими он был богат для нас, граждан великого социалистического государства.

Я рад, что этот богатый событиями год не прошел впустую и для меня. Опубликовал и вышел книгой мой новый роман «Золото», над которым я, с перерывами, проработал около 5 лет.

Сейчас, на пороге Нового года, вместе со всеми советскими людьми радостно помечтать о своих новых, будущих работах. Великая сталинская эпоха, в которую все мы имеем счастье жить, эпоха вдохновенного трудового творчества и всесторонних побед коммунизма, дает нам, литераторам, богатейшие россыпи бесценного материала для наших работ. Я мечтаю написать повесть о том новом, что ежедневно и ежечасно рождается в нашей социалистической промышленности. Хочется обобщить в ней результат своих знакомств с такими выдающимися мастерами социалистического труда, как Александр Чутких, Николай Российский, Павел Быков, как ленинградский слесарь-изобретатель Иван Карташов и знатный уральский сталевар Петр Занка. Фоном для этой повести я избрал калининские текстильные фабрики, где я когда-то работал и возле которых протекло мое детство.

Трудно, конечно, судить, что может получиться из этого замысла, но сейчас, перед Новым годом, хочется верить, что эта вещь будет достойна замечательных тружеников сталинской эпохи, жизни которых она будет посвящена.

◇ ◇

Антонина КОПТЯЕВА

В минувшем году я доработала для издания отдельной книгой свой роман «Иван Иванович», очень много внимания уделив стилю, прояснению конфликта между доктором Аржаповым и его женой Ольгой и характеру самой Ольги. Проще сказать: роман еще раз переписан заново с сохранением основного сюжета и характеров действующих лиц. Одновременно я работала над второй книгой задуманной мною трилогии «Дружба», где Иван Иванович будет показан вместе с коллективом военного госпиталя во время обороны Сталинграда. Летом и осенью я снова ездила в Сталинград, где встречалась с замечательными людьми, которые участвовали в великой битве на Волге. Сейчас, сдав в производство первую книгу, я полностью переключилась на вторую книгу трилогии; продолжая сбор материала, обращаюсь к москвичам-сталинградцам, к хирургам Научно-исследовательского института имени Склифосовского, нейрохирургического института им. Бурденко и Главного военного госпиталя.

Работаю много и с напряжением; тема очень серьезная, спешить здесь невозможно, поэтому закончить новый роман скоро не обещаю. Самый ближайший срок — декабрь нового года.

◇ ◇

Галина НИКОЛАЕВА

— Главная работа прошлого года была связана с романом «Жатва». В наступающем году начну подготовку к новому роману. Он будет посвящен колхозному строительству, нашему приближению к коммунизму. Я хочу рассказать о том, как происходит укрупнение колхозов, как механизируется колхозный труд.

Я хочу изобразить жизнь сегодняшней деревни во все более тесной связи с городом, хочу показать работу промышленности, деревни, научно-исследовательских институтов как одно неразрывное целое, показать, как сближается сельский труд с промышленностью и наукой.

В этой книге будут действовать и прежние герои и новые лица.

В будущем году мне придется много ездить, причем не только по колхозам. Я хочу ознакомиться и с работой Министерства сельского хозяйства, и с сельскохозяйственными научно-исследовательскими институтами.

Работа над новым романом, очевидно, потребует от меня целой «пятилетки».

ОКОНЧАНИЕ ВЫСКАЗЫВАНИЙ ПИСАТЕЛЕЙ ОБ ИХ ТВОРЧЕСКИХ ПЛАНАХ В СЛЕД. НОМЕРЕ

ЛЮДИ ХОТЯТ ЖИТЬ

Илья ЭРЕНБУРГ

24 ноября генерал Макартур сказал своим солдатам, что рождество они будут встречать у себя дома. Неделю спустя, охваченные ужасом, солдаты Макартура бежали к морю. Многим не удалось спастись. Они лежат под чужим небом с остекленевшими глазами, как лежали солдаты Гитлера среди подмосковных снегов.

Генерал Макартур не стрелял, не бежал, не падал на землю, не трясся от холода и от страха. Это — полубог; недаром запуганные японские денщики зовут его «сыном солнца». Что ему судьба Джона или Джека, который никогда не вернется домой? Солдаты умирают, он, «сын солнца», остается.

Когда ему было пять лет, его отец, генерал Артур Макартур, выстрелив в индейца, сказал: «Всегда стреляй первый». Этот завет генерал Дуглас Макартур пронес через всю свою жизнь: жить для него — это значит нападать.

В Корее американцы долго стреляли не только первыми, но и последними — в безоружных. Такая война отвечала принципам Макартура, и его сводки были полны вдохновения. Он диктовал: «Вчера менее чем за один час мощный корабль «Миссури», стреляя со скоростью пятнадцати тысяч выстрелов в минуту, обрушил на город Чхончжин свыше восьмисот тысяч фунтов смерти и уничтожения». Когда генералу доложили, что американцы сбросили на город Анчжу девяносто шесть тонн бомб, начиненных напальмом, и что города Анчжу больше не существует, Макартур ответил: «Я вполне удовлетворен вашей превосходной работой». В городе Начжин было сорок тысяч жителей; на этот город американцы сбросили сорок тысяч бомб, после чего генерал Макартур написал: «Благодаря нашим успешным действиям город Начжин стерт с лица земли».

Корею когда-то называли «страной утренней свежести». Огонь и ночь принесли ей люди Макартура. Я приведу несколько показаний — не корейцев, не китайцев, не советских людей, не коммунистов, нет, самих американцев и их союзников.

«В Сеуле, который стал теперь адом, разыгрываются потрясающие сцены. Среди пожарищ мечутся мужчины, женщины, дети; некоторые из них прячутся в брошенных домах, другие лежат на улицах. Особенно трагично зрелище раненых детей, которые часто умирают на мостовой без всякой помощи» (Юнайтед Пресс, 24 сентября).

«Сверху столица Северной Кореи предстает, как город, где царит смерть. Действительно, это больше не город, это зловещее видение небытия, призрак. Теперь шесть часов пополудни. Мы летим на высоте тысячи двухсот метров. Никакого признака жизни, улицы мертвы, весь Пхеньян — труп на двух берегах реки. Повсюду разрушения и молчание» (г-н Бойле, Ассошиэйтед Пресс).

«Располагая теми средствами, которые в наших руках, очень просто стереть с лица земли такой город, как Чхончжин. Но это должно быть ужасно для тех ста девяноста тысяч людей, которые в нем жили. Что касается наших молодых артиллеристов, то для них это только точная стрельба в мишень» (Юнайтед Пресс, 16 октября).

«Город Синыйчжу насчитывал сто сорок тысяч жителей. Наши летчики работали энергично: не считая фугасных бомб, они сбросили восемьдесят пять тысяч зажигательных бомб. Пламя необычайной высоты взвилось к небу. В штабе генерала Макартура нам сказали, что это, пожалуй, самая удачная работа за все время кампании и что города Синыйчжу больше не существует» («Вашингтон пост», 8 ноября).

«Многие десятки корейских городов, состоявших из легких построек, были разбомблены и сожжены, остались только пепел и развалины. Три недели тому назад полтора миллиона мужчин, женщин и детей Южной Кореи скитались без крова» («Нью-Йорк таймс», 15 октября).

«Я видел, как избивали насмерть людей, задержанных по доносам... Тюрьмы Сеула переполнены. Я видел шестьдесят человек в камере, размер которой четыре метра на три. В другой такой же камере было пятьдесят четыре женщины и двенадцать младенцев... При мне расстреляли двадцать пять мужчин и двух женщин. Они так и не знали, почему их убивают... Я видел женщину, у которой руки были связаны на груди, а на спине у нее кричал годовалый ребенок» (английская газета «Дейли миррор», 6 ноября).

«Мужчины и женщины по одному подозрению в том, что они коммунисты, задерживаются и подвергаются казни, все это происходит под флагом Объединенных Наций... Показателен, например, полицейский участок в Бёньюнге, деревне около Сеула. Там шесть камер — пять метров на полтора, в них двести семьдесят семь мужчин и женщин и семь грудных детей. Они не могут шелохнуться... Допрос состоит в том, что их бьют прикладами ружей или бамбуковыми палками и загоняют им под ногти гвозди. Утром на допросе сломали приклад ружья, ударив заключенного по спине, также избивали двух женщин, у одной был грудной ребенок... Такие сцены можно увидеть во всей Корее» (английская газета «Таймс», 25 октября).

«Мне трудно описать ужасные условия, в которых содержат триста тысяч голодных людей в Долине Ужаса... Это напоминает ад Данте. Вопли голодных и полное равнодушие американцев» (г-н Шарль Фарвел, корреспондент французской газеты «Монд»).

«Среди заключенных тысяча двести женщин, притом четверть из них с маленькими детьми... Идет мужчина, голова его опущена, руки связаны за спиной; за ним идет привязанная к нему жена, также со связанными руками, на спине у нее младенец» («Нью-Йорк таймс», 28 октября).

Мы пережили нашествие папистов. Мы помним эсэсовцев, которые жгли города. Мы помним гестаповцев, которые загоняли гвозди под ногти. В те страшные годы ни один человек на земле не мог уснуть спокойно — совесть терзала всех, люди спрашивали себя, будет ли положен предел попранию человека. Когда я читаю о злодеяниях в Корее, мне стыдно перед близкими, перед друзьями, перед чистыми и хорошими людьми, которые погибли у Сталинграда, у Ржева, во Франции, повсюду, где в те годы гибли люди; они погибли за то, чтобы никогда больше не было таких нестерпимых дел: мне страшно — страшен не Макартур с его бомбами, страшно, что он существует, что он не одинок, что у него есть покровители и наперсники, обидно за Америку, за ее простой народ, наивный и в душе добрый, но обманутый, доведенный ложью до того, что он рукоплещет убийству детей, истязаниям матери.

Мы знаем, что принесла война Корее. Выслушаем снова американцев, пусть они расскажут, что принесла война Америке. Экономист Роджер Бэбсон говорит в «Нью-Йорк таймс»: «Не будь корейских событий, которые оживили бизнес и повысили занятость, кризис был бы неминуем». Юнайтед Пресс сообщает, что за три месяца корейской войны торговый оборот в Соединенных Штатах сильно возрос. Трест Дюпона повысил свои доходы со ста тридцати пяти миллионов долларов до двухсот восемнадцати миллионов. В «Дейли ньюс» некто Бэрл пишет: «С начала полицейских операций в Корее магазины переполнены, повсюду предпраздничная суета. Никто больше не жалуется, все довольны, и, возвратившись домой, наши славные парни, которые наводят в Корее порядок, увидят у себя дома много нового — отец приобрел машину последнего выпуска, жена другого обзавелась милой мебелью для спальни, словом, жизнь похорошела». «Дейли ньюс», конечно, преувеличивает: если дельцы Америки на войне богатеют, то народ разоряется. Об этом говорят не советские экономисты, об этом говорит г. Гувер. Магазины переполнены, потому что обыватели боятся исчезновения товаров. Это не предпраздничная сутолока, это предвоенный ажиотаж. Обыватель покупает все, что может, тащит домой пикап или кастрюлю. У него еще есть дом, не сожженный напальмом, и в этом доме теперь, действительно, появились новое кресло или новая вазочка. Что касается дельцов, то они не успевают подсчитывать доходов, их супруги не успевают тратить деньги. Они пишут в финансовых отделах своих газет: «Вторая половина года вполне оправдала надежды деловых кругов Америки» («Нью-Йорк геральд трибюн»).

Я повторяю: страшно, что на свете существуют такие люди. Но нужно знать правду, и я продолжаю. Г-н Дэвид Сарнов — председатель правления «Радиокорпорейшн оф Америка», по званию он — бригадный генерал. Это крупный бизнесмен, он зарабатывал в жизни на всем — на электрических аппаратах и на улыбке голливудской «звезды» Бэби Дэниэл, на акциях «Джеперал электрик» и на «плане Юнга». Теперь он хочет заработать на телевизорах: он решил для оживления программы передавать картины боев. Вот отрывок из интервью, напечатанного в октябрьском номере «Американ меркюри»:

«Г-н Москоу (газета «Нью-Йорк таймс): Генерал, недавно приводились ваши слова о том, что телевидение можно и должно применять на войне, даже так, чтобы воспроизводить на экране сражения для показа населению страны. Не расскажете ли вы об этом подробнее? Как будет осуществляться цензура и возможно ли это в ближайшем будущем?

Г-н Сарнов: Я сказал бы, что в ближайшем будущем или, точнее, в данный момент невозможно вести телевизионные передачи через Атлантический или через Тихий океаны. Придется подождать, пока не будет осуществлена радиотрансляционная система для телевизионных передач через океан. Это технически осуществимо... Вопрос о цензуре должен решать командующий на данном участке...

Г-н Москоу: Что вы скажете об оборудовании, которое для этого потребуется? И будет это хорошо или плохо, если мы будем доводить сцены танковых сражений до семьи, сидящей, скажем, за завтраком?

Г-н Сарнов: Если это сражение, в котором мы одерживаем победу, то, по-моему, это безусловно будет хорошо».

Я прошу каждого читателя задуматься над этими строками, представить себе картину мертвых городов Кореи, женщину, идущую на казнь с грудным младенцем, дивиденды Дюпона, новую мебель в домике жены офицера и г. Дэвида Сарнова, который предлагает подавать американским зрителям сенсационный спектакль — кровь, смерть, войну. Я прошу каждого читателя и, если эти строки будут переведены, французского, английского, любого другого читателя, подумав, сказать: можно ли этих людей назвать людьми?

В Корее теперь не до телевизоров: бегство и смерть солдат Макартура не будут показаны американским семьям ни за завтраком, ни за ужином. Никто не расскажет в американских газетах, какую рождественскую елку приготовил своим парням «сын солнца».

Узнав о разгроме своих войск, Макартур не смутился. Он сказал: «Мы должны начать новую войну». Это похоже на бред, однако это правда: видя, что американцы проигрывают войну против маленькой Кореи, генерал Макартур предложил начать войну против большого Китая. Он знает свое: нужно стрелять первым, жить — это значит нападать. В 1935 году американский сенатор Джеральд Най сказал: «Генерал Макартур любит войну, как хищники любят мясо». Корея может гореть, солдаты могут умирать, «сыну солнца» нужна человечина.

Безумного человека, которого в любом другом обществе давно бы изолировали, тотчас поддержали крупнейшие деятели государства, дельцы, потерявшие голову от жадности, маньяки, возомнившие себя полубогами, перепуганные параноики. Узнав о позорном финале похода к границам Китая, сенатор Бриджес заявил: «Нужно бомбить Маньчжурию». Республиканский лидер Стассен предложил «предъявить ультиматум Китаю, а если наши требования не будут выполнены, сбросить на китайцев атомную бомбу». С ним тотчас согласились сенатор Морзе и сенатор О'Махони, но они внесли дополнение: «Нужно предъявить ультиматум сразу Китаю и Советскому Союзу». Сенатор Пеппер горячо поддержал этих сумасшедших, «глупо быть щепетильными», — добавил он. Сенатор Брюстер нашел, что можно обойтись без дипломатической процедуры: «Мы сбросили атомную бомбу на японцев, и результаты были благотворными. Почему не сделать того же самого с китайцами?» Сенатор Рассел заключил: «Не исключено, что атомные бомбы будут вскоре сброшены на города Китая». Я мог бы продолжить цитаты — у них много сенаторов и много, слишком много умалишенных.

Что же сделал глава государства? Остановил ли он эту опасную и отвратительную игру? 30 ноября он поспешил успокоить Макартура и беснующихся сенаторов. Г-н Трумэн сказал: «Вопрос о применении атомной бомбы рассматривается».

Слова г. Трумэна вызвали в мире взрыв возмущения. В странах Западной Европы рабочие бросали работу, сотни тысяч людей выходили на улицы, прорывались к зданиям американских посольств. В Париже, в старых закопченных домах, с винтовыми лестницами, с летописью веков — гроз, любви, голода, счастья, песен — женщины собирались, писали письма гнева и несли их на площадь Конкорд — послу г. Трумэна.

Некоторые сенаторы, показавшие себя прежде вдоволь свирепыми, заколебались. Может быть, в них заговорила совесть? Нет, они вспомнили, что у бомб есть адрес — бомбы предназначаются для русских. На вопрос, куда лучше всего бросить атомную бомбу, сенатор Морзе ответил: «Разумеется, на Россию».

Выступил король маклеров, суперспекулянт, президент биржи «Нью-Йорк кэрб экскчейндж» г. Траслоу. Он зарабатывает на нефти и на каучуке, на олове и на пшенице, на поте и на слезах. Он зарабатывает также на крови корейцев, но он боится, что в Корее нехватит крови для всей его жадности. 18 декабря он объявил: «Мы не можем жить спокойно, пока не уничтожим Россию».

Таковы они. Ничего к этому не добавишь: они сами себя показывают, все — от маловменяемого президента до обезумевшего биржевика, от Макартура до бригадно-телевизионного генерала. Я хочу сейчас сказать о другом: о жизни. Есть жизнь обыкновенного американского юноши, который ходит в университет или сидит за конторкой банка, или работает у фрезерки. Он любит футбол, любит кино, он краснеет, встречая светловолосую Дженни, он мечтает через три года купить машину и поехать во Флориду, может быть, с той же Дженни. У него есть своя жизнь. Нельзя ни смеяться над ней, ни ей грозить. Его жизнь это его жизнь. Была жизнь у молодого человека в Корее, он учился или работал, он жил не так, как юноша Нью-Йорка, ему нравилась девушка, не похожая на Дженни, он что-то читал, о чем-то думал, были и у него свои мечты. Кто посмел его убить? Кто посмел сказать, что нужно снарядами, бомбами, напальмом, завтра атомными бомбами «поправить» чужую жизнь, обращая страну в пепел, а живых людей в могилы? У каждого народа, как у каждого человека, свой характер, свои пристрастия, свои достоинства и слабости. Мы можем находить мечты юноши из Филадельфии наивными или ограниченными, но никогда мы не хотели и не хотим ему зла. Как же примириться с тем, что ежедневно, ежечасно в сенате, в газетах, по радио потерявшие голову, бессовестные и бессердечные люди призывают к новой войне? Как помириться с тем, что они предлагают обратить весь мир в пустыню, подобную Корее? Можно ли привыкнуть к мысли, что во главе большого государства стоят дельцы, которые действительно любят войну, как хищники любят мясо?

Макартур не только говорит, он успел многое сделать. Я полагаю, что он спит спокойно: этот «сын солнца» убежден в своей безнаказанности. Он верит в старое изречение: «генералы умирают на своей постели». Он забывает о Нюрнберге: генералы могут умереть иначе.

Но я хочу сказать тем, которые еще непосредственно не замарали своих рук кровью, политикам и спекулянтам, сенаторам и дельцам: опомнитесь! Если вы хотите зарабатывать, есть более спокойные товары. Торгуйте холодильниками или подтяжками, не тянитесь к крови. Говоря вашим языком, я скажу, что жизнь убийцы недорого стоит, ее не согласится застраховать никакое страховое общество. Если вы одержимы гневом или страхом, если вы не можете совладать с собой, не выступайте с речами, не пишите статей, лечитесь. Лучше устроить консилиум хороших невропатологов, чем говорить безумные вещи на очередной пресс-конференции. Пора понять, что нельзя грозить народам, как будто народы это музыкальный критик, которому один из ваших джентльменов недавно отправил письмо, вряд ли достойное цивилизованного человека. На вас лежит ответственность не только за ваш бизнес, вас выбрали, вам доверили судьбы страны. Я знаю, что вы — черствые дельцы, вас не трогает плач матери на берегу Ялу. Но подумайте о детях Нью-Йорка. Дети есть не только в Пекине, не только в Москве. В Нью-Йорке тоже есть дети. Перестаньте грозить смертью, люди хотят жить и люди больше не могут слышать вой хищников.

Я думаю о моей стране, о моем народе, который я люблю больше всех, потому что это мой народ, о народах других стран, тех, что я знаю, и незнакомых мне, я думаю и об Америке. Есть у меня повсюду личные друзья, их сотни, и есть друзья, которых сотни миллионов, обыкновенные люди, необыкновенные, как всякий человек, люди с разными волосами, разными мыслями, разной жизнью, ставшие теперь близкими друг другу, потому что все они не хотят отдать жизнь на растерзание хищников. Сторонники мира, мы крепко взялись за руки — от Пхеньяна до Парижа, от Сиднея до Чили, мы поклялись отстоять мир.

Сила любви и ненависти

ПАК ДЕН АЙ

Трудное, очень трудное время переживала моя родина в дни, когда я уезжала на Второй Всемирный конгресс сторонников мира. Безжалостные, опьяневшие от крови американские интервенты захватили древнюю столицу Кореи — Пхеньян, рвались к границе Маньчжурии, чтобы окончательно заковать в цепи рабства весь мой народ, чтобы занять исходные позиции для нападения на Китай. Дым пожарищ стлался по долинам Северной Кореи, кровь невинных жертв пропитала ее землю. Вражеские орды стирали на своем пути города и села, убивали тысячи и тысячи корейцев.

Но и в эти тяжелые дни наш народ не упал духом. Он верил, что свет победит тьму, и солнце свободы снова взойдет над страной утренней свежести. Мы черпали эту уверенность в неиссякаемой силе нашего сопротивления врагу, в горячей моральной поддержке правого дела корейцев великим Советским Союзом, многомиллионным Китаем, всеми честными людьми мира.

Дружеские руки тянулись ко мне со всех концов зала во время моего выступления на Варшавском конгрессе мира. Эта волнующая сцена была чудесным символом, — борющуюся Корею поддерживали посланцы народов обоих полушарий. Всем сердцем мы, корейские делегаты, почувствовали: миллионы простых людей с нами, с героическими корейскими солдатами, находящимися сейчас на самых передовых позициях борьбы за мир во всем мире.

И вот я возвращаюсь на родину... Незабываемые впечатления от Варшавского конгресса, от Москвы, куда я приехала из Польши, дополняются великой радостью, которую вызывают вести, поступающие из Кореи. Героическая Народная армия и наши славные товарищи — китайские добровольцы — гонят и уничтожают американских захватчиков. Уже вся земля к северу от 38-й параллели очищена от врага. Снова свободное знамя Корейской народно-демократической республики реет над Пхеньяном. Новые и новые удары, наносимые нашей армией и партизанами по зарвавшимся интервентам, приближают час окончательной победы.

В этих успехах сказались сила и мужество свободолюбивых корейцев. Эти успехи ковал весь народ, поднявшийся на священную войну.

Бесчисленны примеры самоотверженности и беззаветного героизма корейской молодежи. Я расскажу о нескольких из них.

В одну из деревень Северной Кореи, где тогда помещался штаб главнокомандующего Народной армией, пришла четырехтысячная колонна подростков — мальчиков и девочек из городов, находящихся на юге Кореи.

Долгий и трудный путь пришлось проделать маленьким патриотам и, в частности, перейти линию фронта. Двигаясь ночью, днем скрываясь от врага в лесах, они упорно пробивались на север, туда, где сражалась Народная армия во главе с Ким Ир Сеном. Было очень тяжело, у многих ребятишек в дороге развалилась обувь, ноги кровоточили. Старшие помогали младшим чем только могли.

Всю дорогу пополнялась эта колонна присоединявшимися к ней все новыми и новыми юными патриотами. Две тысячи семьсот детей вышло из города Аньдона, а перед Ким Ир Сеном предстало четыре тысячи человек.

Всем сердцем рвались ребята к заветному Пхеньяну, уверенные, что здесь они застанут Ким Ир Сена. Но нет, там его не оказалось, он был на фронте вместе со своими сражающимися воинами. В Пхеньяне молодежь узнала, что главнокомандующий со своим штабом расположился в какой-то деревушке, но в какой именно никто точно сказать не мог.

Встреча состоялась неожиданно. Ночью, когда Ким Ир Сен направлялся в одну из частей, ему доложили о приближающейся колонне детей. Он сам поехал встретить их.

— Куда вы идете? — спросил Ким Ир Сен окруживших его мальчиков и девочек.

— Мы идем к главнокомандующему. Пусть он даст нам оружие! Мы хотим бить американских захватчиков!

Слезы навернулись на глазах Ким Ир Сена...

Рассказывая мне позже об этой трогательной встрече, об этих подростках, страстно стремящихся отомстить врагу за поруганную родину, за гибель своих родных и близких, Ким Ир Сен заключил: «Весь наш народ встал на защиту родной земли, даже дети просят оружие!»

Да, весь наш народ поднялся на священную войну с убийцами женщин и детей — американскими захватчиками и презренными предателями-лисынмановцами.

Для того чтобы предохранить себя от налетов авиации, наши войска совершали переходы, главным образом, ночью. Население решило помочь воинам двигаться по незнакомым дорогам, где каждый неверный шаг в темноте грозил падением с обрыва или мостика, перекинутого через реку. И вот с наступлением ночи от деревни к деревне цепочкой выстраивались по обоим краям дороги женщины и старики в белых одеждах...

Войска шли вдоль этой живой изгороди, уверенные, что никакие неприятности им не грозят. Вместе со старшими всю ночь в этих добровольных дозорах стояли повзрослевшие за войну дети. Новые силы вливались в усталых солдат, внимательно и любовно вглядывавшихся в молчаливые, настороженные лица ребятишек. И горечь временных поражений сглаживалась теплом и верностью, которые излучались этими родными и близкими маленькими корейцами.

На всех дорогах можно встретить пионерские дозоры, которые задерживают подозрительных людей. Дети подносят боеприпасы к фронту. Немало юношей с оружием в руках сражается в рядах Народной армии и в партизанских отрядах.

В Канге мать двух сыновей, находящихся на фронте, Ким Ге Сен рассказывала мне о них. Когда старший сын ушел на фронт, младший потребовал, чтобы и его отпустили защищать родину.

— Ты ведь еще мал, ничем помочь не сможешь, — убеждала его мать.

— А связь, а подноска патронов!

И он ушел добровольцем в Народную армию. Недавно Ким Ге Сен получила письмо: мальчик сообщает матери, что стал зенитчиком. «Мы, зенитчики героической Народной армии, охраняем небо родины», — пишет юный патриот.

Самоотверженно помогают фронту корейские женщины. Тысячи девушек вступили в санитарные отряды, показывают чудеса героизма. Под вражеским обстрелом они выносят раненых из горящих, обваливающихся зданий. Женщины дают кровь для спасения жизни раненых корейских воинов, готовят пищу солдатам.

Мне довелось быть в сентябре в городе Течжоне. Я обратила внимание на группу женщин, сидевших у реки. В те дни американские летчики бомбили город непрерывно, буквально круглосуточно. Я обратилась к одной старухе, которую звали Хан.

— Что вы здесь делаете?

— Вот, ждем, когда принесут для стирки одежду наших солдат.

— Так ведь бомбят, опасно!

— Ничего, все равно всех не убьют, — спокойно ответила старуха. — Не боюсь я их!

Эти слова прозвучали, как приговор американским извергам. Им не поставить мой народ на колени!

Никогда не остынет в сердцах корейцев ненависть к американским захватчикам, принесшим нам неслыханные бедствия и страдания. Мы твердо уверены, что при поддержке всего свободолюбивого человечества под руководством нашего вождя Ким Ир Сена корейский народ добьется победы.

ВОЕННО-ИСТЕРИЧЕСКАЯ ЕЛКА В БЕЛОМ ДОМЕ

На рисунке, который мы предлагаем вниманию читателей, почти не видно елки. Впрочем, если разобраться, то и повода для елки тоже не видно. И не почти, а совсем не видно. В самом деле — настроение в Белом доме отнюдь не праздничное как у хозяев, так и у гостей...

Елка обильно увешана украшениями. На самой верхушке помещен рождественский Дед-Психоз, задающий тон всему мероприятию.

Кого увидим мы, если оглядим хоровод справа налево? Главноразговаривающий в Совете Безопасности мистер Остин даже сегодня не может расстаться со своим верным попугаем Трюгве Ли. Попугай — говорящий. Говорит там, где ему платят. Плодам и семенам предпочитает доллары.

Американский верховный комиссар в Западной Германии Макклой явился на елку не один. Макклою трудно: не с кем оставить «ребенка» — Аденауэра. Оставить его с немецким народом рискованно. Народ, того гляди, возьмет его да и уронит, тем более, что ребенок явно дефективный. Поза дитяти не дает возможности прочесть на огнестрельной игрушке, которую оно держит, знакомую марку: «Сделано в США». Впрочем, все понятно и без марки.

А вот молочные братья-близнецы, четыре сапога — пара, Черчилль и Бевин. Не скрывая зависти к Черчиллю, удостоенному звания «поджигатель войны № 1», Бевин решил не отставать. Братья-факельщики идут ноздря в ноздрю.

Вызывает удивление присутствие на елке британского полисмена Эттли. Отличившись при напрасной попытке запретить Всемирный конгресс сторонников мира, Эттли находится здесь, видимо, с целью поддержания порядка. Однако сие ему не удается. Порядка нет и не будет.

Небезызвестный Эйзенхауэр на этом белом коне намеревается триумфально въехать в Западную Европу и прямо, не слезая с коня, упразднить суверенитет ее государств.

Но почему же генерала Эйзенхауэра терзает черная меланхолия?.. Скорей всего потому, что он вспомнил о судьбе генерала Макартура.

По воинственному виду Трумэна можно предположить, что он гонится за музыкальным критиком. Президент уже повесил на рождественскую елку свои подарки американскому народу: чрезвычайное положение, новые налоги и растущие цены. Трумэн явился во всеоружии. В руках у него атомная бомба и водородная надувная игрушка «уйди-уйди!» Следует заметить, что последние слова кратко выражают пожелание всех честных людей Америки в адрес своего президента.

Как явствует из рисунка, на елку допущены и животные. Где хозяин, там и пёс.

А вот, несколько вырываясь из хоровода, носится обалдевший от собственных тотальных речей Ачесон. Тот самый Ачесон, который Дин. А, как известно, Дин — в поле не воин. В этой рискованной роли он предпочитает видеть европейцев, но таковые не проявляют по этой части особого энтузиазма. Сие печальное обстоятельство и вывело Дина Ачесона из равновесия.

Чумная крыса — японский император Хирохито на елке (и на свободе) находится по явному недоразумению. Крыса изо всех сил старается не отстать от своего хозяина Макартура. Это ей удается с большим трудом, так как сам Макартур в беге по пересеченной местности показывает невиданную для его возраста резвость.

Ввиду отсутствия на елке иллюминации, активную роль играет сверкающая пятка Макартура, проливающая свет на «крупные успехи» американских интервентов в Корее. Высокое удовлетворение этими «успехами» можно легко прочесть на лице Ли Сын Мана.

Фигура крайняя справа лица не имеет. Полосатые брюки дипломата в сочетании с оружием дают основание предполагать, что лицо, пожелавшее остаться неизвестным, — известный поджигатель войны мистер Джон Фостер Даллес...

Хоровод выходит за пределы рисунка. По другую сторону елки наверняка можно было бы увидеть и Гувера, и де Гаспери, и Шельбу, и Мока, и Бредли, и Чан Кайши, и им подобных.

Они не уместились на рисунке — и не надо. Чем бы они дополнили эту выразительную картину? Настроение у них право же не лучше, чем у всех тех, кого изобразил художник.

Ничего хорошего не принес им уходящий тысяча девятьсот пятидесятый, ничего хорошего не сулит наступающий новый тысяча девятьсот пятьдесят первый год!

Борис ЛАСКИН

Рис. Бор. ЕФИМОВА

СЛЕД. НОМЕР «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ» ВЫХОДИТ 4 января 1951 года

Главный редактор К. СИМОНОВ.
Редакционная коллегия: Б. АГАПОВ, А. АНАСТАСЬЕВ, Н. АТАРОВ, Н. ГРИБАЧЕВ, Г. ГУЛИА, А. КОРНЕЙЧУК, А. КРИВИЦКИЙ, Л. ЛЕОНОВ, Н. НОВИКОВ, Н. ПОГОДИН, Б. РЮРИКОВ (зам. главного редактора), П. ФЕДОСЕЕВ.

«Литературная газета» выходит три раза в неделю: по вторникам, четвергам и субботам.

Адрес редакции и издательства: Цветной бульвар, 30 (для телеграмм — Москва, Литгазета). Телефоны: секретариат — К 4-04-62; отделы: литературы и искусства — К 4-02-29, К 4-01-88, внутренней жизни — К 4-08-89, К 4-72-88, международной жизни — К 4-03-48, К 4-03-66, информации — К 4-08-69, издательство — К 4-11-68. Коммутатор К 5-00-00.

Типография имени И. И. Скворцова-Степанова, Москва, Пушкинская площадь, 5.

Б 04054